Н. КОЛЕСНИКОВ.

О чем болит сердце

Документальная повесть

1. Прорыв

(Продолжение. Начало в № 96)

Нет, эту загадку им не разгадать. Не сдерживая счастливой улыбки, я сам ответил на свой вопрос:

— Бочко, который у нас на Северном Донце был наводчиком, ну и рядовым.

Многие удивились: за год рядовой стал подполковником, — а Клюев изрек:

— Этот мужик молодец, стоящий. Я его знаю еще по северным местам...

Немного подкрепившись, я тут-же обсказал комбатам, что нужно предварительно сделать, и с наступлением темноты повел их показывать расположение огневых позиций. За ночь все зарылись, некоторые орудия, минометы, а также боеприпасы приходилось таскать на себе. К утру все до того измотались, что проходя по огневым позициям, видел: люди в окопах спали как убитые.

Закончив проверку, я направился на КП полка, чтобы доложить о готовности.

На КП уже находились офицеры всех подразделений, которые были приданы полку.

— Так, товарищи офицеры, — сказал подполковник Бочко. — Вид у нас у всех аховый, да и солдаты, и офицеры за эти двое суток измотались. Поэтому приказываю: у кого что не доделано — доделать, всех накормить и дать основательно отдохнуть. Никакой демаскировки ни на передовой, ни в тылу чтоб не было. За это буду строго наказывать. О готовности полка и приданных мне подразделений докладываю командиру дивизии. Сегодня к 24.00 всем сюда за получением окончательного приказа.

Когда все стали расходиться, подполковник попросил меня задержаться.

— Давай уделим с полчасика, — сказал он, — расскажи мне обо всех, а то потом возможно не будет времени. Твоя артиллерия мне придана только на прорыв, а потом ваша дивизия войдет в прорыв и ты уйдешь в свой полк.

Ему я рассказал о всех ребятах, кто здесь, кто выбыл, о Харьковской операции, о том, как Клюев меня откопал из земли на Днепре, и еще разные эпизоды.

— Да. Сколько хороших товарищей погибло и скольким еще предстоит, пока окончательно мы не накинем петлю на Гитлера,—скорее себе, нежели мне, проговорил подполковник.—Ладно, давай будем отдыхать, а то вид у нас никудышный. Завтра предстоит грандиозное сражение и надо набраться силенок.

В 24.00 все были на КП полка. Было это 18 августа 1944 года. На 2-километровом участке прорыва было сосредоточено около 2-х тысяч орудий и минометов от 45 мм до 205 мм гаубиц, пять полков РС. Вся эта мощь огня должна обрушиться на передний край и ближайшие тылы противника. В течение сорока пяти минут артиллерия обрабатывала проход нашим танкам и пехоте. Начала огрызаться и артиллерия. После 20 минут огневой дали первый залп наши «катюши» сразу из 180 установок. На передней линии и в глубину обороны у немцев бушевал огонь и все застлало дымом. На наших огневых позициях ребята поснимали гимнастерки. В вышине над нами неслись огненные трассы и обрушивались на немцев.

Мне на секунду представилось что-же там сейчас делается с фашистами. То обрабатывая передний край, то перенося огонь на вторую линию обороны, которая находилась километрах в двух от передовой, наша артиллерия вела огонь до второго залпа «катюш». Когда в небе появились наши штурмовики, «катюши» дали еще один залп.

Воцарилась тишина, и только гул наших штурмовиков и сопровождавших их истребителей, за действиями которых мы стали наблюдать, говорил, что еще не все кончено. Когда штурмовики пропахали передний край и в глубину, в заранее сделанный проход в минном поле на нейтральной полосе устремились наши танки.

Передняя линия никакого сопротивления не оказала, лишь один крупнокалиберный пулемет застрочил без перерывов, будто в отчаянии. Потом оказалось, что это был немецкий смертник, прикованный железной цепью к бревну, вкопанному в траншее.

Когда наши танки подошли ко второй линии обороны, один из них был подбит. Впоследствии выяснилось, что за второй линией было закопано 8 «Тигров», 7 из них были уничтожены при артподготовке, а уцелевший и два таких-же пулеметчика были уничтожены потом.

Все это время мы с начальником артиллерии полка находились на его КП в первой траншее, где у нас был телефон. Когда была занята вторая линия обороны противника, мне позвонил командир полка и приказал, чтобы я снимал свою артиллерию и двигался вперед. Отдав приказание своим, чтобы минометы грузили в повозки, а пушки цепляли за передки, мы минут через тридцать двинулись по сделанному проходу вперед.

Передний край обороны немцев и все пространство от первой линии обороны до второй было в сплошных воронках, земля горела, блиндажи и землянки были искорежены, отовсюду шел дым. Гарь мешала дышать. За второй линией обороны в рощах и посадках было искорежено много немецкой техники: артиллерийских орудий, танков автомашин.

Тут уже стояли наши танки, на которые садились автоматчики и уходили вперед. В небе все время висела наша авиация. Где-то впереди штурмовала и бомбила вражеские позиции. Немецкие самолеты тоже начали появляться, но их или разгоняли наши истребители или обращали в бегство.

В воздухе то там, то здесь происходили воздушные бои. Остановившись в небольшой рощице, мы начали приводить себя в порядок. Через полчаса сюда подошел и подполковник Бочко со своим штабом.

— Ну как, капитан, потерь много? — спросил он?

— Один убит и трое ранены — ответил я.

— А у нас как? — Спросил он у своего начальника штаба. Тот ответил, что, как передали командиры батальонов, 9 человек убито и 31 ранен.

— Да, без потерь не обошлось. Ну что же, капитан, — сказал подполковник Бочко, — ты со своей задачей справился отлично. Сейчас подойдет ваша дивизия и поступайте в распоряжение своего полка, а я сейчас со своими седлаю танки и уходим вперед на Яссы, на Прут; будем по-видимому окружать немцев. На всех своих людей, участвовавших в прорыве, дай мне списки для представления к награде, пока мы здесь приводим себя в порядок, накормим людей. Да и танки еще должны подойти.

Побывал он и в батарее у ребят, с которыми был на северном Донце. Через час, садясь в самоходку, он обнял меня:

— Ну что ж, капитан, прощай не буду говорить — до свидания: возможно еще где-нибудь да и встретимся на дорогах войны.

2. Кольцо сомкнуть!

Перевалило уже на вторую половину дня. Погода стояла жаркая и душная. Начали появляться первые колонны полков нашей дивизии. Узнав по какой дороге движется наш полк, мы быстро собрались и через час соединились с ним. Передав минометные роты в батальоны, а полковую артиллерию поистроив в хвосте колонн, поспешил к командиру полка. Доложил о прибытии и расскаазл, как проходил прорыв.

Полк продолжал двигаться вперед, не встречая особого сопротивления. Было несколько разрозненных групп немцев, которые в общем без боя сдавались в плен. На дороге горели немецкие танки и машины, а также разбитые артиллерийские орудия. Попадались и наши подбитые танки, но очень редко. На западе и востоке гремели бои. Там наши танковые подразделения прорывались к реке Прут, чтобы взять в клещи несколько фашистских дивизий. Мы же оказались посредине, как бы между двумя линиями обороны. Уже к вечеру нашему полку был дан приказ: занять позиции и окопаться километрах в двух юго-западнее села, точно не помню, но кажется это было село Путешти, что примерно посредине между Яссами и Кишиневом.

Село было большое, стоявшее в огромной котловине, и все садах. Позиции, где мы заняли оборону, изобиловали многими оврагами и виноградниками. С вечера я ушел во второй батальон, где комиссаром был Иван Сысоич Викторчик и командиром батальона мой тезка — капитан Сергин, с которым мы были хорошими друзьями. Проговорили мы чуть ли не до утра; рассказал им о встрече с Бочко. Уже перед рассветом немного вздремнули.

Когда мы проснулись, солнце уже немного поднялось от горизонта. Спали прямо в траншее. Большинство солдат и командиров приводили в порядок траншеи, равняли пулеметные позиции. Линия нашей обороны проходила в большинстве по виноградникам. Виноград уже был созревший и просто жалко было все это калечить, но война есть война. Обойдя огневые позиции артиллеристов, которые стояли на прямой наводке, прямо у траншей, отдав необходимые распоряжения, пошел на КП полка, который находился метрах в пятидесяти от траншей. Получил приказ: в глубину не зарываться, а все огневые средства сосредоточить на переднем крае, так как за нами займут оборону стрелковые части.

Неподалеку окапывались артиллерийские полки РГК, а в роще дожидались своего часа установки РС.

Мы знали, что в селе находятся немцы, но ни мы, ни они огня не открывали. Да и к чему — там, в основном, расположились госпитали и разрозненные остатки гарнизона. По своим позициям мы ходили свободно, не боясь выдать их расположения. Признаться, и окапывались мы без должной маскировки.

Судя по всему, здесь вскоре положение должно круто измениться, так как в село начали втягиваться колонны немецких войск. Они будто растворялись под сенью садов. И лишь на улицах, так же как и у нас, в виноградниках, не скрываясь останавливалась техника.

Закончилась работа. Можно поговорить с личным составом, настроить на завтрашний день.

На западе и на востоке гремели бои, все ближе подкатываясь к нам. Кольцо окружения сжималось.

(Продолжение следует)

...ки ходили, выдавая неистовое на-...яжение. Да глаза горели огнем, ...к тогда, на Северном Донце, когда ...тели его забрать от комиссара Вик-...рчика в роту разведки. Я и сейчас, ...гпоминая тот день, пытаюсь ответить ...л его вопрос, взвесив все «за» и ...против», но никак не могу заставить ...ебя отказать.

...—Ну что ж, Семен Трофимович, раз-...вариваешь ты по-немецки прекрасно. ...горе твое — мое горе. Я ведь боль-...е твоего знаю Викторчика. Так что ...ызывай желающего померяться с то-...ой силой.

Когда он своим густым басом на ...истом немецком языке изложил суть ...ела, многие немцы, в особенности ...тоявшие офицеры удивились этому. ...емало удивляла и его могучая фигура.

Время шло, но желающих не было. Клюев обратился к офицерам и ...енералам, сказал им что-то. От них ...тделился один и стал кричать:

— Вилли! Во ист Вилли?

— Это я понял без переводчика: ...де Вилли? Но отчего среди высшего ...фицерского состава гитлеровцев та-...ое замешательство? Я посмотрел на ...уревича и прочел на его лице такое ...ке замешательство.

— Что им сказал старшина?

— Он сказал им, что если сейчас же ...е отыщется доброволец, то ему разрешено руками передушить всех офицеров и генералов.

— Скажите им, что такого разрешения этот солдат не имеет. Что вообще советские солдаты никогда не дойдут до той низости, чтобы расправляться с безоружным врагом.

Гуревич не успел перевести мои слова. Навстречу Клюеву уже шел, пробираясь между сидящих, тот самый Вилли, которого так неистово звал офицер. Он был чуть ниже Клюева, но немного упитаннее. Покатые плечи, бычья шея и мощный торс выдавали в нем борца. К тому же, он был моложе нашего старшины лет на десять.

Клюев снял гимнастерку, а немец—френч.

...унтера в штаб. Ведь по телефону-то уже доложили.

— Извините, товарищ майор, но я из этой батареи уйти не могу. Вот мои родители — комбат и комиссар. Не поручись они за меня, может, трибунал уже определил мою судьбу. А так я, считайте, заново народился. А сыны должны беречь своих родителей, так же, как родители берегли их в младенчестве.

Нет, не вышел у них разговор. Не хотели они понимать друг друга, а к обеду Клюева вызвали в штаб дивизии.

Вернулся он оттуда старшиной. Да еще и с орденом Красной Звезды. Это была его первая награда. А через несколько дней мы узнали, какой разговор имел Клюев с комдивом. После всех поздравлений и распросов генерал сказал:

— А теперь, старшина Клюев, принимайте роту разведчиков.

— Товарищ, генерал, разрешите отказаться от предложения!

—Это не предложение, старшина, это приказ!

— Тогда вот, — Клюев достал трофейный пистолет, который дал ему перед вылазкой начальник разведки. — В нем один патрон. Он для меня. За невыполнение приказа, я знаю, в военное время полагается расстрел. Расстреляйте меня, товарищ генерал, но не забирайте от моих родителей...

Вот так мы с комиссаром и обрели сына-богатыря. А о том, какие события ждали нас впереди, вы уже знаете.

За редактора
О. Н. НОВИКОВА.

В военизированную охрану завода требуются стрелки (мужчины и женщины, трудоспособные пенсионеры). Все работающие обеспечиваются постовой одеждой и бесплатным форменным обмундированием.
Средний заработок — 136 рублей.

Детскому саду № 40 на постоянную работу требуются няни, повар, сторож-дворник.
Обращаться: ул. Тракторная, 78.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам

НАШ АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ: 658201 г. Рубцовск, ул. Комсомольская, 105. ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 20-85, ответственного секретаря — 28-25, корреспондентов и фотокорреспондента — 30-12, 34-43, редактора радиопрограмм — 30-36.

АГ — 16053 Типография АТЗ Зак. 349 Тираж 4 000 экз.